

Вот эвхаристия [другая]. . .
... мы счастьем насладимся,
Кровавой чашкой причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.⁶

Следует отметить, что восходящая к Плутарху идея Радищева рисовала героическое тираноубийство в совершенно ином виде, чем тот, который оно приняло позже в сознании романтиков. Здесь акт этот мыслился как общенародный и исключал разделение граждан на активное меньшинство и пассивную массу. В романтическом сознании декабристов тираноубийство мыслилось как героико-индивидуалистический поступок, совершающийся на глазах пассивного народа, а иногда — и вопреки его рабскому противодействию:

Несмотря на хлад убийственный
Сограждан к правам своим,
Их от бед спасти насильственно
Хочет пламенный Вадим.⁷

Противопоставление одного героя, погибающего в борьбе, и пассивной массы, наслаждающейся плодами его поступка, отчетливо проявилось в словах А. Бестужева по поводу убийства Настасьи Минкиной (сохранились в пересказе Батенькова): «Решительный поступок одной молодой девки производит такую важную перемену в судьбе 50 миллионов».⁸ В связи с этим принципиально по-разному решалось Радищевым и декабристами соотношение тираноубийственного акта и революции — активности одного и активности всех.

Для декабристов выступление русского Брута могло оцениваться двояко: до возникновения идеи военной революции оно было ее заменой; убийство тирана само по себе означало переворот и делало революцию излишней. В дальнейшем тираноубийство стало осмысляться как поступок героический, но чуждый народной этике. Поэтому покушение на императора хотя и должно было послужить сигналом к началу военной революции, но организационно выводилось за ее пределы. Оно поручалось группе обреченных, *une cohorte perdue*, связь которых с революционной организацией должна была быть скрыта не только от народа, но и от потомства.

Для Радищева казнь тирана не является начальным сигналом к народному выступлению. Роль инициатора играет мыслитель, который провозгласит слово истины: «Он молвит, вольность пропекая». Казнь же царя не начинается, а венчает революцию, представляя ее вершину и общенародное действие.

В этом смысле пушкинская эвхаристия кровавой чашей связывается с концепцией, далекой об общих настроений декабристов

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. II, кн. 1. М.—Л., 1947, с. 179.

⁷ Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений, с. 329.

⁸ Цит. по: Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936, с. 215.